
Артур Павлов
Люди, которых не было

Артур Павлов

Люди, которых не было

«Автор»
2026

Павлов А. С.

Люди, которых не было / А. С. Павлов — «Автор», 2026

Архивист Андрей Воронцов получает рутинное задание: перед сносом дома на Лесной, 18 описать документы жильцов. В домовой книге не сходится одна квартира — сорок седьмая исчезла из бумаг в 1981 году, но ещё пятнадцать лет получала счета за отопление. Сосед-электрик передаёт ему конверт, который тридцать лет ждал «того, кто придёт сам». На обороте старой фотографии — надпись: «Андрею, когда вырастет. 1979». Но в 1979 году Андрея ещё не существовало даже в проекте.Чем глубже он копает, тем яснее становится: кто-то очень тщательно стирал следы. Отец просит бросить это дело. Начальник знает больше, чем говорит. А среди документов, подписанных рукой его матери, лежит заявление с его собственным именем — датированное за три месяца до его рождения.«Люди, которых не было» — история о том, что документы могут создать человека, но не могут его определить. О тайнах, которые взрослые хранят из любви. И о двери, которую можно оставить открытой, даже если никто не войдёт.

© Павлов А. С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. Архив 5
Глава 1. Неправильная квартира 5
Глава 2. Домовая книга 8
Глава 3. «Андрею, когда вырастет» 11
Глава 4. Человек в синей куртке 14
Глава 5. До рождения 17
Глава 6. Отец 20
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Артур Павлов
Люди, которых не было

Часть первая. Архив

Глава 1. Неправильная квартира

В архиве пахло пылью, дешёвым кофе и мокрой одеждой.

Последнее объяснялось просто: крыша над третьим кабинетом протекала второй год. Ведро под потолком давно стало частью интерьера, и новые сотрудники первое время принимали его за мусорную корзину. Андрей Воронцов, проработавший здесь четырнадцать лет, знал, что оно требует опорожнения по вторникам и пятницам, и считал это единственным надёжным расписанием в учреждении.

Сейчас он сидел перед монитором и смотрел на сообщение: «Ошибка обработки документа».

Документом было свидетельство о смерти. Программа отказывалась его принимать уже третий раз.

— Он умер, — сказал Андрей экрану. — Давно. Подтверждено печатью.

Экран остался при своём мнении.

— Ты с кем разговариваешь? — спросила Марина из бухгалтерии. Она стояла в дверях с папкой под мышкой, и по её лицу было видно, что вопрос задан не из любопытства, а для протокола.

— С покойником.

— Опять?

— На этот раз с программой.

Марина вошла, положила папку на соседний стол и без приглашения взяла с его стола кружку. Заглянула внутрь. Поморщилась.

— Когда ты её последний раз мыл?

— Исторически подтверждено, что мыл.

— Андрей.

— Весной.

Она поставила кружку обратно, аккуратно, как улику, и вышла. На пороге обернулась:

— Тебе звонил Павел Николаевич. Дважды. Я сказала, что ты на совещании.

— С кем?

— С покойником.

Дверь закрылась. Андрей отметил про себя, что Марина в последнее время шутит лучше, чем работает, а работает она, надо сказать, прекрасно. Это было тревожным сочетанием. Так обычно шутят люди, которые уже решили уйти и просто доводят дела до конца.

Телефон на столе зазвонил в третий раз.

— Воронцов, зайди.

— Иду.

Павла Николаевича Андрей знал давно и хорошо, поэтому по дороге успел подготовиться к худшему. Начальник отдела был человеком, который даже хорошие новости сообщал с выражением лица, будто ему только что предъявили счёт. Плохие он сообщал так же. Различать их приходилось по тому, как он держал очки: если в руке, то хорошие, если на столе, то разговор будет долгим.

Очки лежали на столе.

Рядом стояла толстая картонная папка, перевязанная тесьмой. Она выглядела так, будто её собирали ещё при Брежневе, а потом несколько раз пытались утопить.

— Лесная, восемнадцать, — сказал Павел Николаевич вместо приветствия. — Дом под снос. Подрядчик начинает в конце месяца. До этого нужно поднять всю документацию по жильцам: домовые книги, регистрационные карточки, выписки. Сделать опись, оцифровать, выявить расхождения.

— Сколько времени?

— Три недели.

— На целый дом?

— Ты же не один.

Андрей хотел заметить, что именно один он и будет, но промолчал. В отделе значилось одиннадцать человек. Реально работали четверо, из них одна собиралась уходить.

— Почему я?

— Потому что ты любишь старые бумаги.

Андрей не стал объяснять, что не любит. Он просто лучше других умел с ними обращаться: знал, как разворачивать лист, чтобы тот не сломался по сгибу, на каком свету читать выцветший карандаш, что делать с печатью, которая отпечаталась зеркально на обороте. Это было ремесло, а не любовь. Хотя со стороны, он понимал, их не отличить.

— Есть одна странность, — продолжил начальник. — В домовой книге не сходится число квартир. По проекту в доме сорок восемь. В документах числится сорок семь.

— Потеряли одну?

— Не смешно.

— Я и не шутил. Дом в шесть этажей, в нём могли потерять что угодно.

Павел Николаевич надел очки, снял их снова и посмотрел на Андрея так, словно прикидывал, стоит ли говорить дальше.

— Если найдёшь что-то необычное, — сказал он наконец, — сначала приходишь ко мне. Не звонишь никуда. Не пишешь в управление. Не устраиваешь самодеятельность.

— Что необычного может быть в домовой книге?

— Не знаю. Поэтому и говорю.

Андрей взял папку. На обложке синим карандашом было выведено: «Лесная, 18. 1968–2004». Почерк был чужой, аккуратный, с сильным наклоном вправо.

Уже в коридоре он вспомнил, что так и не получил ответа на вопрос, зачем снос дома, в котором никто не живёт, требует трёх недель работы с жильцами.

Ответ, как выяснилось позже, он получил. Просто не в тот день.

До обеда Андрей занимался обычными делами. Сканировал, отвечал на письма, дважды ходил за кофе и один раз поспорил с системным администратором из-за принтера, который отказывался печатать на двух сторонах, но охотно мял бумагу с одной. Папку он трогать не стал. Она лежала на углу стола, и он ловил себя на том, что обходит её взглядом, как обходят незнакомую собаку.

Открыл он её только в шесть, когда отдел опустел и ведро под потолком отсчитало очередную каплю.

Внутри было то, что и обещала обложка. Домовые книги, три штуки, разного формата и степени сохранности. Пачка регистрационных карточек, перетянутая резинкой, которая рассыпалась от прикосновения. Копии технических паспортов. Несколько фотографий дома с разных лет: серый кирпич, балконы, облупившаяся краска, на одном снимке перед подъездом стояла детская коляска.

Андрей надел перчатки и начал с технического паспорта.

Проект не врал. Шесть этажей, восемь квартир на лестничной клетке, всего сорок восемь. Этаж за этажом, номер за номером. Квартира сорок седьмая значилась на пятом, между сорок шестой и сорок восьмой, однокомнатная, тридцать один квадратный метр, отдельная лестничная площадка.

Потом он открыл домовую книгу за семьдесят четвёртый год и нашёл сорок седьмую там же. Ордер от третьего июня. Фамилия: Смирнова В. П. Одна.

Пока всё сходилось.

В книге за восемьдесят первый год квартира по-прежнему стояла на месте. Но рядом, мелким почерком, было приписано: «Объединена с кв. 46. Номер не использовать».

Теперь, значит, сорок семь. Андрей отложил книгу и подумал, что объяснение вполне бытовое. Перепланировка, снос стены, две маленькие квартиры стали одной большой. Такое случалось в каждом втором доме. Начальник, видимо, просто не любил разбираться и предпочитал называть это странностью.

Он мог бы закрыть папку и пойти домой.

Но он был архивистом, а у архивиста есть неприятная привычка проверять то, что уже объяснили.

Сорок шестая числилась в книге за восемьдесят первый год как обычная двухкомнатная. Ни слова о присоединении. Ни акта, ни экспликации, ни разрешения. Если стену сломали, никто этого не заметил.

Андрей полистал дальше. Восемьдесят третий. Восемьдесят пятый. Восемьдесят седьмой.

В журнале жалоб за восемьдесят седьмой год, на странице, заполненной корявым почерком паспортистки, он остановился.

«Кв. 47. Жалоба на протечку потолка. Жильцы квартиры сообщают, что вода течёт уже вторую неделю. Прошу принять меры».

Ниже стояла отметка: «Передано в ЖЭК».

Андрей перечитал дату. Восемьдесят седьмой.

К этому времени квартиры сорок семь уже шесть лет как не существовало.

Он посмотрел на ведро под потолком. Оно как раз приняло каплю и отозвалось негромким звуком, похожим на вздох.

«Жильцы квартиры сообщают».

Не «жилец». Жильцы. Несколько человек, которые жили в квартире, которой не было, и жаловались на то, что у них течёт потолок.

Андрей выключил лампу, взял куртку и пошёл к выходу. У двери остановился, вернулся, сфотографировал страницу журнала на телефон и только после этого ушёл.

В автобусе он поймал себя на том, что в уме сочиняет ответ начальнику. Вежливый. Без слов «ты был прав».

Он знал, что такой ответ ему не понадобится. Павел Николаевич сказал «не знаю, поэтому и говорю», а люди, которые так говорят, как правило, знают больше, чем хотят признать.

Глава 2. Домовая книга

Слово «расследование» Андрей не любил. Оно предполагало преступление, подозреваемых и человека, который знает, что делает. Из этого списка у Андрея была только привычка проверять чужие выводы, причём чаще всего собственные.

Поэтому на следующее утро он пришёл раньше всех и открыл не домовую книгу, а электронный каталог жилищной службы. Поиск по адресу «Лесная, 18» выдал тринадцать документов. Двенадцать из них касались капремонта и долгов за отопление. Тринадцатый оказался регистрационной карточкой.

Жильцом числилась Смирнова Валентина Петровна, 1939 года рождения. Адрес: Лесная, 18, квартира 47. Основание вселения: ордер № 118 от 3 июня 1974 года. В графе «Члены семьи» стояла одна строка: сын, Смирнов Николай Валентинович, 1961 года рождения. И рядом, другим пером, с нажимом, который Андрей определил бы как раздражение:

«Снят с учёта в 1980 г. Адрес выбытия не указан».

Самой Валентины в документах хватало ещё на семь лет, а потом, в восемьдесят первом, карточка заканчивалась так же аккуратно и так же ничего не объясняла: «Регистрация прекращена по личному заявлению». Ни нового адреса. Ни подписи.

Андрей откинулся на стуле.

Квартира могла быть объединена с соседней, как сказал Павел Николаевич. Жильцы могли выписаться и уехать. Всё это было обыкновенно, и ни один архивист не стал бы тратить на это больше пяти минут.

Он потратил двадцать.

— Ты и сегодня разговариваешь с покойниками? — спросила Марина.

Она стояла за его плечом с двумя бумажными стаканами. Один поставила перед ним, не спрашивая, второй оставила себе.

— Сегодня с живой. Только она давно не живёт по этому адресу.

— Такое бывает. Люди меняют адреса.

— Люди меняют адреса, когда у них есть новый. А тут её просто выписали в никуда.

Марина отпила и посмотрела на экран поверх стакана.

— Ты же понимаешь, что я пришла не за этим?

— Нет.

— Я пришла сказать, что Павел Николаевич спрашивал, как идёт Лесная. Я ответила, что ты ещё не начал.

— Я начал.

— Я знаю. Но ему лучше этого не знать. Он нервничает, когда кто-то делает больше, чем ему поручили.

Андрей улыбнулся. Это был самый полезный совет, который он получил за последний год, и дала его женщина, которая собиралась увольняться.

Она ушла, а минут через сорок вернулась с листом бумаги.

— Платежи по Лесной, — сказала она. — У нас в бухгалтерии сохранились ведомости за девяностые. Ты просил?

— Не просил.

— Значит, угадала. По сорок седьмой квартире начисления идут до девяносто шестого года. Исправно. Потом строка просто обрывается.

Андрей взял лист и внимательно прочитал цифры. Потом ещё раз.

Квартира, которой не существовало с восемьдесят первого года, пятнадцать лет получала счета за воду и отопление. И кто-то эти счета оплачивал.

К концу дня он решил, что идти к начальнику пока рано. Приносить Павлу Николаевичу нужно было что-то, что можно положить на стол и не получить в ответ вздох. У Андрея пока имелись одни только странности, а странности, как он знал по опыту, начальству не нужны. Начальству нужны результаты или оправдания, и желательно в трёх экземплярах.

Дом на Лесной стоял в самом конце улицы, там, где асфальт сменялся утоптанной землёй, а автобус делал разворот и уходил обратно в город с видом человека, который здесь никого не ждёт.

Андрей приехал в четверг после обеда. Шесть этажей серого кирпича. Половина окон забита фанерой, на остальных держались занавески, давно переставшие быть занавесками и ставшие флагами сопротивления. На двери подъезда красовалась бумага с печатью: «Подлежит сносу. Вход посторонним лиц запрещён». Андрей заметил, что в слове «посторонним» кто-то когда-то исправил ошибку карандашом. Это было приятно.

Внутри пахло сыростью и чужой жизнью, которую выключили, но не вынесли. На лестничных площадках остались батареи, коврики, детская железная дорога без вагонов, чей-то зонт. Андрей поднимался медленно. На втором этаже услышал, как где-то включили радио, а потом так же внезапно выключили.

На пятом он остановился.

Между дверями сорок шестой и сорок восьмой была стена. Гладкая, в два слоя побелённая, с одной старой трещиной по диагонали. Никакой двери, никакой площадки, никакого следа. Андрей положил ладонь на штукатурку. Она была холодная и слегка влажная.

Он достал телефон, сфотографировал стену, потом достал из сумки рулетку и промерил расстояние между соседними дверями. Четыре метра десять сантиметров. Для однокомнатной квартиры, которую, по паспорту, нужно было втиснуть между сорок шестой и сорок восьмой, места не хватало. Для двери и коридора хватило бы.

— Вы по поводу трубы? — спросили сзади.

Андрей обернулся.

На площадке стоял старик в спортивных штанах и вязаной жилетке, с чайником в руке. Лицо у него было загорелое, как у человека, который всю жизнь провёл на улице, хотя на самом деле, как выяснилось позже, сорок лет работал электриком.

— По документам.

— А. Из архива. Мне звонили.

— Вам звонили?

— Из управления. Сказали, что придёт человек, и чтобы я не мешал. — Старик посмотрел на рулетку в его руке. — Я не мешаю. Меня Михаил зовут. Крылов. Я в сорок пятой.

Он жил в сорок пятой. Один. Остальные давно выехали, а он остался, потому что ему обещали квартиру на втором этаже нового дома и четвёртый год это обещание перекладывали с одного стола на другой. Он рассказывал об этом на кухне, куда привёл Андрея почти насильно, поставил перед ним стакан с чаем в подстаканнике и сел напротив, поджав губы, словно перед экзаменом.

Кухня была чистая, почти стерильная. Андрей отметил про себя, что у человека, который собирается уезжать, обычно беспорядок. У того, кто остаётся, всё лежит по местам.

— Валентина Петровна Смирнова, — сказал Андрей. — Сорок седьмая.

Крылов не удивился.

— Она что, наследство оставила?

— Не знаю. Я её ищу в документах.

— В документах она, наверное, не найдётся. — Он усмехнулся в усы. — Жила она тут сорок лет. Сначала с мужем, потом без. Потом с сыном, потом без. Потом к ней приезжали по

выходным. Я рядом жил, слышал. Детей привозили. Шумно было. Она их кормила так, будто в войну.

— Детей?

— Двух, кажется. Или одного, а мне казалось двух, не скажу. Давно было. — Он посмотрел на чай. — Вы вот спрашиваете, а я вам скажу как электрик. Сорок седьмая в доме была. Я там проводку менял в восемьдесят шестом. Дверь сам красил, коричневой. Какая тут перепланировка.

— На бумаге она объединена с сорок шестой.

— На бумаге, — повторил Крылов с неожиданным удовольствием, — всё можно. А вы стену видели?

— Видел.

— Вот. Стена там стоит, потому что её поставили. А поставили её, когда Валентина уже съехала. Года три как. После девяносто шестого, значит. Ночью рабочие приходили, я слышал. Спрашивать не стал.

Андрей молчал, отмечая про себя, что любую фразу, которую он мог бы сказать сейчас, Павел Николаевич назвал бы самодеятельностью.

— Почему не стали спрашивать?

— А кто бы стал? — удивился Крылов. — Вам вот интересно, потому что вам платят. Мне платят за свет, и мне, знаете, никогда не было интересно, кто с кем живёт. Хотя нет. — Он замолчал и встал. — Подождите-ка.

Он вышел в комнату, и Андрей услышал, как там скрипнула дверца шкафа. Потом долго шуршала бумага. Потом Крылов вернулся, держа в руках плоский конверт, заклеенный тканевой лентой, из тех, что давно перестали выпускать.

— Она оставила, — сказал он. — Валентина. Когда съезжала. Сказала: передай тому, кто придёт с бумагами про дом. Не из газовой. Не из БТИ. А именно с бумагами. Я тридцать лет ждал. Приходили из газовой, из БТИ, из управления. Им я не отдавал. Вам вот отдаю.

— Почему мне?

— Вы про сорок седьмую спросили. Первый за тридцать лет.

На конверте, выцветшими чернилами, неровным почерком с сильным наклоном вправо было выведено: «Для того, кто придёт сам».

Андрей взял его обеими руками, как берут что-то, что может оказаться горячим.

— Я не сам пришёл, — сказал он честно. — Меня послали.

Крылов посмотрел на него долго, оценивающе, как на проводку, которую не он делал.

— Ну, — сказал он наконец, — значит, как повезёт.

Глава 3. «Андрею, когда вырастет»

Конверт Андрей открыл только дома.

В автобусе он держал его на коленях, как держат чужого ребёнка: осторожно и с ощущением, что в любой момент придётся отдать. На своей остановке вышел на две раньше, зашёл в магазин, купил хлеб, пельмени и пачку чая, хотя чай у него ещё оставался. Дома выложил покупки, вымыл руки, поставил чайник. Всё это называлось «не торопиться», и он занимался этим добросовестно, как занимаются людьми, от которых ждут плохих новостей.

Потом сел за стол, достал из ящика нож для бумаги и разрезал ленту.

Внутри лежала одна фотография.

Черно-белая, с волнистым краем, какие делали в семидесятых. На снимке перед подъездом стояли двое: женщина лет сорока в платке и светлом пальто и молодой парень, почти юноша, высокий, чуть сутулый. Он смотрел не в объектив, а куда-то вбок, и в этом взгляде было что-то упрямое, затравленное и очень юное. Женщина держала его под локоть так, словно боялась, что он сейчас уйдёт.

На заднем плане можно было прочесть номер дома. Лесная, восемнадцать.

Андрей перевернул снимок.

На обороте тем же почерком с наклоном вправо было написано:

«Андрею, когда вырастет. 1979».

Он перечитал надпись.

Потом положил фотографию на стол, встал, прошёлся по комнате и вернулся.

Надпись не изменилась.

Сначала он сделал то, что делал всегда: попытался подорвать собственное удивление. Имя «Андрей» не редкость. В любом классе их было по три. Фотография могла быть адресована кому угодно: соседскому мальчику, племяннику, будущему внуку. «Когда вырастет» говорится о ребёнке, которого ещё нет. Человеку, которому на момент подписи было, допустим, три года, не пишут «когда вырастет» с датой: пишут «на память».

Ему было сорок один. В семьдесят девятом году его не существовало даже в проекте. Мать и отец ещё не были знакомы, отец служил, а мать училась в институте в другом городе. Об этом можно было не думать.

Он всё равно подумал.

Потом занялся тем, чем занимался профессионально. Придвинул лампу, достал лупу и стал рассматривать надпись. Паста. Чернила, не шариковая ручка: линия слегка расплывалась на волокнах. Нажим сильный, равномерный. Выцветание одинаковое по всей длине строки, без следов позднейшего «дописывания». Он знал, как выглядят подделки: у них всегда слегка разное старение между словами. Здесь его не было.

Это ничего не доказывало. Но и не опровергало.

Чайник давно выключился. Андрей не заметил.

На следующее утро он показал фотографию Марине.

Не то чтобы ему очень хотелось. Просто пока она лежала у него в кармане, она казалась ему тяжелее, чем была.

Марина рассматривала снимок долго, держа его двумя пальцами за край, как старую монету.

— Красивая женщина. Лицо усталое, но красивое. — Она перевернула фото. — И что?

— Андрею, когда вырастет.

— Я прочитала. Ты же Андрей.

— Я Андрей, который родился через шесть лет после даты на обороте.

— Много Андреев, — сказала Марина. — У меня три двоюродных брата, и все Андреи. Тётя вообще считала, что другого имени для мальчика не существует.

— Знаю.

— Тогда в чём проблема?

Андрей хотел сказать: «В том, что я не умею перестать об этом думать». Вместо этого сказал:

— Фотографию мне передал человек, которому её оставили. Для того, кто придёт сам. Вот и всё.

— Значит, пришёл ты. И это совпадение.

— Возможно.

— Андрей. — Марина вернула ему снимок. — Ты каждый день читаешь бумаги, на которых чужие люди написали странные вещи. Иногда это что-то значит. Чаще нет. Не начинай искать в каждой странности послание.

Она говорила спокойно. Но, отворачиваясь, задержала взгляд на подъезде и на парне в тени, будто хотела запомнить.

Он заметил. И ничего не сказал.

Вечером он позвонил отцу.

Это само по себе было событием. Они с Виктором разговаривали раз в две недели по воскресеньям, обычно о давлении, о ценах и о том, чья очередь ехать к врачу. Виктор жил один, в квартире на Кирова, в доме, где всё лежало по местам, потому что двигать было некому. После смерти матери он замолчал так, как молчат люди, которые много лет делились с кем-то и вдруг оказались без собеседника: не из горя, а из недоумения.

— Алло, — сказал отец.

— Это я.

— Я знаю, что ты. Что-то случилось?

— Нет. Хочу спросить. — Андрей помедлил. — Ты не знаешь дом на Лесной, восемнадцать?

В трубке стало тихо.

Не так, как бывает, когда человек думает. Так бывает, когда он перестаёт дышать, чтобы его не услышали.

— Откуда у тебя этот адрес?

— Мне поручили этот дом. Он идёт под снос. Я собираю документацию.

— Кто поручил?

— Павел Николаевич. Пап, что…

— Бросай. Скажи, что заболел.

Андрей посмотрел на фотографию, лежавшую перед ним на столе.

— Я нашёл снимок.

— Какой снимок?

— Женщина с молодым человеком возле дома. На обороте написано «Андрею, когда вырастет». Тысяча девятьсот семьдесят девятый год.

Ответа долго не было. Потом Андрей услышал, как отец что-то задел, что-то глухо стукнуло, зашуршала бумага или ткань. Когда он заговорил, голос был чужим, ровным, как у человека, читающего текст, который выучил наизусть:

— Выбрось её.

— Что?

— Выброс фотографию. Не показывай никому. И в архиве про этот дом ничего не ищи.

— Пап, ты знаешь, кто эти люди?

— Нет.

— Ты знаешь этот дом?

— Андрей, уже поздно. Я устал.

— Я не прошу тебя ничего объяснять. Я просто хочу понять, почему ты…

— Ты же ничего не помнишь, правда? — перебил Виктор.

Фраза повисла между ними, и Андрей не сразу понял, что в ней слышится. Это был не вопрос. Это была надежда.

— Чего не помню?

Отец не ответил. Раздались короткие гудки.

Андрей положил телефон на стол рядом с фотографией. Потом, сам не зная зачем, подошёл к шкафу, достал с верхней полки обувную коробку с материнскими снимками и поставил её на пол. Крышки не открыл.

Он помнил, что после смерти Анны этот ящик пролежал нетронутым двенадцать лет. Помнил, что в детстве мать иногда говорила: «Ты тогда сильно болел, Андрюша, всё забыл». Он никогда не спрашивал, когда «тогда». Ему казалось, что речь о каких-то обычных детских болезнях, которых он не помнил, как не помнят большинство людей собственное раннее детство.

Он сел рядом с коробкой на пол, спиной к дивану.

За окном кто-то включил музыку. Потом выключил. Потом во дворе заорал ребёнок, и женский голос, сначала раздражённый, а потом внезапно мягкий, позвал его домой.

Андрей смотрел на коробку.

Отец сказал: «Ты же ничего не помнишь».

Значило ли это, что ему есть что помнить?

Глава 4. Человек в синей куртке

Коробку он открыл в субботу, потому что в пятницу не хватило храбрости.

Это была обувная коробка из-под зимних ботинок, с оторванной крышкой, перетянутая двумя резинками для денег. Мать хранила в ней всё, что не помещалось в альбомы: школьные снимки Андрея, фотографии с работы, поздравительные открытки, вырезки из газет, какие-то квитанции, которые она, видимо, считала слишком важными, чтобы выбросить, и слишком неважными, чтобы подшить.

Андрей высыпал содержимое на стол и некоторое время просто смотрел.

Он ожидал, что будет больно. Было не больно. Было так, как бывает, когда входишь в комнату, где давно никто не жил, и обнаруживаешь, что вещи по-прежнему стоят на своих местах и ждут. Вот он в первом классе, с огромным букетом и перекошенным галстуком. Вот мать на даче в старой синей куртке, которую он помнил с детства. Вот отец у машины, лет сорока, густоволосый, без той складки между бровями, которая появилась позже и осталась навсегда.

Он разложил снимки по годам. Работа привычная, почти успокаивающая. Восемьдесят девятый. Девяностый. Девяносто первый.

Девяносто первый оказался толще остальных.

На обороте большинства снимков стояли подписи материнским почерком: мелким, с длинными окончаниями букв. «Андрюша на море». «С работы, день рождения Л.П.». «Дача, июнь». Мать была аккуратным человеком и подписывала всё, будто боялась, что фотографии когда-нибудь придётся предъявлять в суде.

Трое из них были подписаны иначе.

Первая: «Май. 1991». Вторая: «Июль. 1991». Третья вообще без даты, только два слова: «Он опять».

Андрей взял первую.

На ней мать стояла у магазина. Рядом с ней была пожилая женщина в светлом пальто и платке. Они не обнимались, не улыбались, но стояли так близко, что стало ясно: между ними есть что-то общее. Не дружба, не родство, а скорее опыт. Как между двумя людьми, которые пережили один и тот же шторм.

Андрей достал из конверта фотографию семьдесят девятого года и положил рядом.

Платок. Пальто. Линия плеч. Женщина в девяносто первом была на двенадцать лет старше, но он узнал бы её, даже если бы никто не подсказал.

Валентина Петровна Смирнова.

Она знала его мать.

Андрей сидел с фотографией в руках и пытался осмыслить простейший факт, который не желал укладываться в голове. За двадцать девять лет, которые он прожил рядом с Анной Воронцовой, она ни разу не упомянула ни Лесную, ни Смирновых. Он прекрасно помнил её рассказы: о детстве в посёлке, о работе в проектном институте, о том, как они с отцом познакомились на субботнике, о том, как лечили его ангину. Ни слова о женщине в светлом пальто.

Он перевернул снимок. Подпись была короткой: «Валентина сказала, что больше не придёт».

«Больше». Значит, раньше приходила.

Вторая фотография была снята летом. На ней мать сидела за столом, напротив отца. Две чашки чая, скатерть в мелкий цветочек, шкаф с книгами на заднем плане. Ничего необычного. Андрей почти положил её обратно, но увидел деталь: в окне за спиной отца, во дворе, стоял человек.

Он увеличил снимок на ноутбуке.

Двор был узкий, зажатый между двумя домами. Мужчина стоял у стены, засунув руки в карманы, чуть наклонив голову. Лица было не разобрать: тень от козырька, резкий свет, зернистость старой плёнки. Но фигура читалась ясно. Высокий. Сутулый. И на нём была синяя куртка, широкая в плечах, с высоким воротом.

Андрей смотрел на неё долго.

Потом открыл на соседней вкладке сканы Лесной и нашёл снимок семьдесят девятого года. Юноша, которого Валентина держала под локоть. Те же плечи. Та же посадка головы, чуть вбок, будто он всё время прислушивается к тому, чего не слышат остальные.

Сходство лиц, как учил его когда-то старый коллега, ничего не доказывает. Все люди в детстве похожи на кого-то, а в старости на всех сразу. Чем увереннее ты узнаёшь человека на старой фотографии, тем вероятнее, что ты хочешь его узнать.

Поэтому он сделал то, что делал всегда: открыл электронный архив и ввёл имя. Смирнов Николай Валентинович. 1961.

Поиск вернул восемь документов, и все до восьмидесятого года. Школьная справка. Военный билет. Запись о приписке к призывному пункту. Прописка по месту жительства: Лесная, 18, кв. 47. И последняя, та, которую он уже видел: «Снят с учёта в 1980 г.».

После восьмидесятого года Николай Валентинович Смирнов не появлялся ни в одной базе. Ни в паспортных. Ни в налоговых. Ни в списках избирателей, ни в записях о браке, ни в записях о смерти. Он просто перестал оставлять следы.

Это бывает. Люди уезжают на заработки, садятся, меняют фамилии, спиваются, исчезают из системы, потому что система ничего про них не хочет знать. Это не тайна. Это учёт.

Но в девяносто первом человек в синей куртке стоял в чужом дворе.

И его кто-то сфотографировал.

Андрей взял третью фотографию. Ту, что без даты. На ней мать стояла на лестничной площадке, прислонившись к стене. Она держала в руке сумку, но не как держат сумку, а как держат что-то, что не хотят выпускать. Лицо было вполоборота, глаза опущены. На заднем плане, у двери, виднелся край синей куртки.

Он перевернул снимок.

Подпись сделана той же рукой, но буквы были другими: крупнее, угловатее, с нажимом, от которого на бумаге остались вмятины.

«Он опять приходил. Виктору не говорить».

Андрей положил фотографию на стол и закрыл ладонью лицо.

За окном шёл дождь, и капли били в карниз ровно, механически, как метроном. Он слушал их и думал о том, что отец, который всю жизнь называл ложь «семейной дипломатией», был, оказывается, не единственным в этом доме, кто умел молчать.

Телефон завибрировал. Сообщение от Марины:

«Ты там живой? Павел Николаевич спрашивает, когда будет опись по Лесной. Я сказала, что ты в процессе».

Андрей ответил:

«В процессе. Кажется, у меня появился ещё один покойник».

Она прислала знак вопроса и через секунду добавила:

«Дошутился».

Он положил телефон на стол, экраном вниз.

Затем собрал все три снимка, сложил их в конверт, на котором не было никакой надписи, и убрал в ящик, к ножу для бумаги. Потом достал лист и написал, потому что иначе не умел думать:

«Смирнова В. П. — знала мать (1991). Смирнов Н. В. — снят с учёта 1980; во дворе 1991. Мать — Виктору не говорить».

Ниже, после паузы, подчеркнул:

«Откуда мать знала Валентину?»

Этот вопрос он задал себе вслух, в пустой комнате, и поймал себя на том, что ответ его пугает меньше, чем следующий.

Почему двадцать девять лет она молчала?

Глава 5. До рождения

В понедельник Андрей сделал то, чего не делал ни разу за четырнадцать лет работы: ввёл в электронный архив собственное имя.

Ощущение было такое, словно он позвонил на собственный номер и ждёт, кто возьмёт трубку.

«Воронцов Андрей».

Система подумала секунд десять и выдала семь совпадений.

Пять из них он узнал сразу. Справка с места учёбы. Копия паспорта, которую когда-то сдавали на оформление в архив. Две карточки с адресами проживания. Заявление о приёме на работу, подписанное им самим в двенадцатом году, когда он ещё надеялся, что это ненадолго. Шестой документ относился к его отцу.

Седьмой был датирован двенадцатым июня тысяча девятьсот восемьдесят пятого года.

Андрей прочитал дату один раз, потом ещё раз. Потом отвёл глаза на ведро, в котором лениво капала вода, дождался, пока капля упадёт, и только тогда открыл файл.

Это была копия заявления в районную жилищную комиссию. Три строки машинописи и подпись.

«Прошу внести изменения в сведения предварительной регистрации по адресу: ул. Лесная, д. 18, кв. 47. В связи с обстоятельствами семейного характера прошу исключить из списка Воронцова Андрея Викторовича, дата рождения — 14.09.1985».

Внизу стояла подпись: «А. С. Воронцова».

Андрей нашёл калькулятор, хотя считать там было нечего. Двенадцатое июня. Четырнадцатое сентября. Девяносто четыре дня.

Заявление, в котором назывались его имя, его отчество и день его рождения, было подано за три месяца до того, как он родился.

Он сидел и смотрел на экран с чувством, какое бывает, когда в хорошо знакомом доме открываешь дверь, которой раньше не было.

Первое, что сделал Андрей, — отверг самое простое. Ошибка в дате документа. В архивах такое случается: кто-то перепутал цифру, кто-то поставил штамп не тем числом. Он проверил регистрационный номер. «184/К». Затем открыл соседние записи. 183/К: заявление о замене водопроводной трубы. 185/К: жалоба на нарушение санитарных норм. Обе датированы июнем восемьдесят пятого.

Значит, документ лёг в журнал именно тогда.

Вторая версия: неточность в самой записи. Но в тексте не было опечаток. Фамилия, имя, отчество, дата. Всё так, как стояло в его свидетельстве о рождении.

Третья: подлог. Кто-то, зная его дату рождения, составил документ. Но зачем это делать в восемьдесят пятом, когда никакой даты ещё не существовало?

Четвёртой версии у него не было. Или была, но он пока не готов был её рассматривать.

Он увеличил подпись.

А. С. Воронцова. Закорючка в конце, длинный хвостик у «в». Он видел этот почерк тысячи раз: на записках в школьном дневнике, на открытках, на подписях под фотографиями, которые лежали у него сейчас в ящике.

Мать.

Мать подала заявление, чтобы его исключили из списка квартиры, в которой он, как следовало из всех его воспоминаний, никогда не жил.

Марина пришла к десяти. Он положил перед ней распечатку, не говоря ни слова.

Она прочитала. Сначала скользнула взглядом, потом, нахмурившись, вернулась к началу.

— Это что?

— Заявление.

— Я вижу, что заявление. Почему там твоя дата рождения?

— Вот это я и хочу выяснить.

Марина перечитала ещё раз, уже медленно.

— Подпись настоящая?

— Мамина.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю.

Она положила лист на стол и посмотрела на него внимательнее, чем обычно смотрят на сослуживцев по понедельникам.

— Андрей, — сказала она, — ты ведь понимаешь, что люди иногда знают даты заранее?

— О рождении?

— Не только. Иногда они знают, что будет ремонт. Что приедут гости. Что придётся что-то подписать. Даты не бывают случайными, когда за ними стоит план.

Он молчал. Она добавила чуть мягче:

— Я не говорю, что это объяснение. Я говорю, что это не чудо.

Андрей кивнул, хотя ему казалось, что в её словах есть что-то, чего он не понимает. Фраза прозвучала просто, без нажима, как говорят о вещах, о которых когда-то уже думали.

— Ты что-то знаешь? — спросил он.

— Нет. — Она встала. — Но у меня тоже есть мать. И бывает, что вещи, которые ты в детстве принимаешь за тайны, оказываются обычными решениями. Просто взрослые не любят о них рассказывать.

Она взяла свою чашку и пошла к двери, но остановилась на пороге.

— Оригинал есть?

— В фонде районной комиссии.

— Закажи. Всё остальное — гадание.

Оригинал принесли во вторник, ближе к одиннадцати.

Он лежал в тонкой прозрачной обложке, пожелтевший по краям, но сохранившийся удивительно хорошо. Андрей надел перчатки, развернул лист и увидел то, чего не передавал скан.

Текст был написан не на машинке. Заявление было написано от руки. Аккуратно, стоя или сидя за ровным столом, с твёрдой рукой, как пишут люди, заранее решившие, что скажут. Те же слова: «Прошу исключить из списка Воронцова Андрея Викторовича». Тот же почерк.

Внизу — отметка о принятии: «Принято 12.06.85. Исп. Климова Л. С.» И рядом штамп, небольшой, прямоугольный, синий.

«Не подлежит восстановлению».

Андрей долго смотрел на него.

Штампы такого рода ставили в тех случаях, когда запись снималась окончательно. Если человека выписывали, умершего исключали, ошибочную запись аннулировали. Это был жёсткий, юридически чистый приговор: что внесено, то не вернётся.

Он перевернул лист, чтобы проверить, нет ли на обороте пометок.

Пометка была. Одна строка, карандашом, мелкими буквами, почти стёртая:

«Исполнить после рождения ребёнка».

Андрей положил документ на стол и снял перчатки.

Строка была написана тем же почерком, что и всё остальное. Но теперь, глядя на неё, он отчётливо понял: Анна не просила исключить из списка человека, которого уже не было. Она просила подождать. Просила сделать это только тогда, когда ребёнок появится на свет.

Какой именно ребёнок?
На этот вопрос в документе ответа не было.

Глава 6. Отец

К отцу Андрей поехал в воскресенье, с пакетом продуктов и без единой бумаги в кармане.

Это было сознательное решение. Накануне он положил распечатку заявления в сумку, потом достал, потом положил обратно, потом оставил на столе. Если нести отцу документ, разговор превратится в допрос. А допросов Виктор не выносил с тех пор, как в девяностых его однажды вызвали в налоговую по ошибке и он три дня не мог есть.

Поэтому Андрей взял кефир, гречку, сушки и банку огурцов, которые отец любил, но никогда не покупал, считая, что это баловство.

Виктор открыл дверь в домашнем свитере, с очками на лбу. Он выглядел старше, чем две недели назад: не постарел, а как будто осел, как оседает дом, в котором давно никто не меняет проводку.

— Ты чего приехал?

— Привёз огурцы.

— Я не просил.

— Я знаю.

Отец помолчал, потом отступил в сторону. Это был его способ сказать «заходи».

Квартира на Кирова всегда пахла одинаково: стиральным порошком, крепким чаем и чем-то нежилым, как пахнет в шкафу, где давно лежат вещи, которые никто не надевает. Андрей прошёл на кухню, выложил продукты и огляделся. Чисто. Слишком чисто. На плите стояла кастрюля с остатками супа, под ней был подложен круг от старой сковородки, чтобы не оставалось следа.

Он понял, что отец живёт здесь так, словно в любую минуту могут прийти и проверить.

— Чай будешь?

— Буду.

Виктор налил воды, поставил чайник, достал две чашки. Руки у него слегка дрожали, и он делал вид, что это от того, что чашки тяжёлые.

Некоторое время они молчали. Андрей рассматривал клеёнку на столе: жёлтая, в мелкий коричневый узор, ещё материнская. Он вдруг вспомнил, как в детстве рисовал на ней пальцем маршруты для машинок, и испугался, потому что этого воспоминания минуту назад не было.

Вернее, оно было, но он забыл, что оно есть.

— Как давление? — спросил он.

— Нормальное.

— Таблетки пьёшь?

— Пью.

— Врача нашёл?

— Нашёл.

Вот так они обычно и разговаривали: короткими вопросами, на которые отвечали ещё более короткие ответы. Это была их версия близости. Она никогда никого не подводила, поэтому Андрей и не пытался её менять.

Но сегодня он собирался.

— Пап, — сказал он. — Я не буду тебя ни о чём допрашивать.

Виктор поставил перед ним чашку.

— Вот и не надо.

— Я просто хочу рассказать, что нашёл. Потом ты можешь ничего не отвечать.

— Андрей.

— Заявление от двенадцатого июня тысяча девятьсот восемьдесят пятого года. — Он говорил ровно, глядя на клеёнку, а не на отца. — Подписано мамой. Просьба исключить меня из списка квартиры, в которой, как я всегда думал, мы никогда не жили. За три месяца до моего рождения.

Чайник за спиной щёлкнул и стих.

Виктор не пошевелился.

— На обороте приписка: «Исполнить после рождения ребёнка». И штамп «Не подлежит восстановлению».

— Это просто бумага, — сказал отец тихо.

— Просто бумага.

— Твоя мать была практичным человеком. Она всё делала заранее. Ты же помнишь, она за полгода покупала подарки.

— Помню.

— Вот.

Андрей поднял глаза.

Отец смотрел в окно. На подоконнике стоял горшок с геранью, которую мать выращивала двадцать лет, а он вот уже двенадцать не давал засохнуть, хотя никогда не любил цветов.

— Я нашёл ещё фотографию. Мама и женщина в светлом пальто. Смирнова Валентина Петровна. Ты её знал?

Пауза.

— Слышал.

— От мамы?

— От людей.

— От каких людей?

Виктор повернул голову. Лицо его было спокойным, и именно это испугало Андрея. Он видел это спокойствие раньше: когда отец сообщал, что бабушка умерла, и когда сказал, что мать больше не придёт из больницы. Это было не безразличие. Это была усталость человека, который давно приготовился.

— Я рад, что ты приехал, — сказал Виктор. — Правда. Но я не хочу об этом говорить.

— Почему?

— Потому что я обещал.

— Кому?

— Твоей матери.

Это было первое, что он сказал за весь разговор не уклончиво. Прямо, как гвоздь.

Андрей замер. Потом, помедлив, спросил совсем о другом:

— Каким я был, когда родился?

Отец вздрогнул так, будто его окликнули по чужому имени.

— Что?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.